

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ Красноречие мадам Крик

В 1925 году, за год до одноименной пьесы, Исаак Эммануилович Бабель написал рассказ "Закат", рукопись которого хранилась у близких людей автора и была опубликована без малого через сорок лет. И лишь тогда читатели стали свидетелями вечерней сцены, разыгравшейся в семье налетчика Бени Крика с участием его отца — биндюжника Менделя, младшего брата Левки и матери, которая зывала: "Мендель, ...набей Левке вывеску! Он съел у меня одиннадцать котлет...". Мадам Крик изъяснялась на изысканном молдавском диалекте могучего одесского языка и имела в виду исключительно физиономии своего ненасытного чада, но никакую не вывеску, даже не их собственную, подробно описанную в рассказе: "Беня, которому через несколько месяцев суждено было сделаться Бенеи Королем, не сдался и заказал новую вывеску "Извозпромышленное заведение Мендель Крик и сыновья". Это должно было быть написано золотыми буквами по голубому полю и перевито подковами, отделанными под бронзу". А в пьесе она имеет несколько другой вид: "К стенке приставлена новая вывеска. На ней золотыми буквами: "Мендель Крик и сыновья". Вывеска украшена гирляндами подков и скрещенными кнутами". Вариаций на одну эту тему могло быть сколько угодно, потому что, к примеру, Даниил Кружков со Степовой, 16, ни в коем разе не соглашался бы иметь точно такую же вывеску своего извозпромышленного заведения, какая была у его коллеги и конкурента Шаи Крутовского в соседнем с ним доме № 18.

Владимир Иванович Даль еще в середине 1860-х годов в своем "Толковом словаре живого великорусского языка" определил вывеску как "доску, щит, различного вида, с надписью, с изображением предметов продажи или выделки, у мастеров, ремесленников, на лавках". Ими и были отмечены в Одессе гостицы, полицейские участки, банки, заводы, рестораны, пароходства, бани, посреднические конторы, прочая и прочая, словом, учреждения и заведения самого различного характера, назначения и репутации. Исключения составляли разве что заведения Запорожской улицы, персонал которых состоял исключительно из лиц древнейшей профессии. Правда, по словам А.И. Куприна и над входом в знаменитую пивную "Гамбринус" на Преображенской, 32, угол Дерибасовской, "вывески совсем не было. Прямо с тротуара входили в узкую, всегда открытую дверь. От нее вела вниз такая же узкая лестница в двадцать каменных ступеней". Что касается двери и лестницы, то автор абсолютно прав и точно так было еще в послевоенные одесские времена, когда вместо "Гамбринуса" там располагалась "Кухня восточных блюд". А вот отсутствие вывески есть не что иное, как авторский вымысел, целиком подчиненный творческому замыслу. Никто не позволил бы мадам Паулине Гоппенфельд держать в самом центре города заведение без вывески и обязательного фонаря над ней. Еще в конце 1885 года Осип Осипович Чивечин разработал и согласовал с одесским полицеймейстером утвержденные вскоре Городской Думой правила, которые однозначно устанавливали, какого цвета должен быть фон и буквы на вывесках, как тогда называли, трактирных заведений. Гостицы — фон голубой, буквы золотые или желтые. Рестораны — фон розовый, буквы серебряные или белые. Чайные трактиры — фон синий, буквы красные. Харчевни — фон красный, буквы черные. Кафе — фон желтый, буквы серебряные или белые. Винные лавки — фон светло-зеленый, буквы черные. Постоялые дворы — фон белый, буквы синие. А вывески всех одесских пивных, включая "Гамбринус", непременно должны

были быть оранжевыми с черными буквами. Автор этих правил много лет состоял членом городского по питейным делам присутствия, а потому задачу свою понял хорошо и исполнил правильно. И впрямь, если учесть, что по самым скромным подсчетам, неграмотные составляли тогда больше половины всех жителей Одессы, такая обязательная раскраска вывесок была очень удобной, поскольку единожды побывавший в каком-либо заведении, потом уже точно знал, чем можно было там отвести душу.

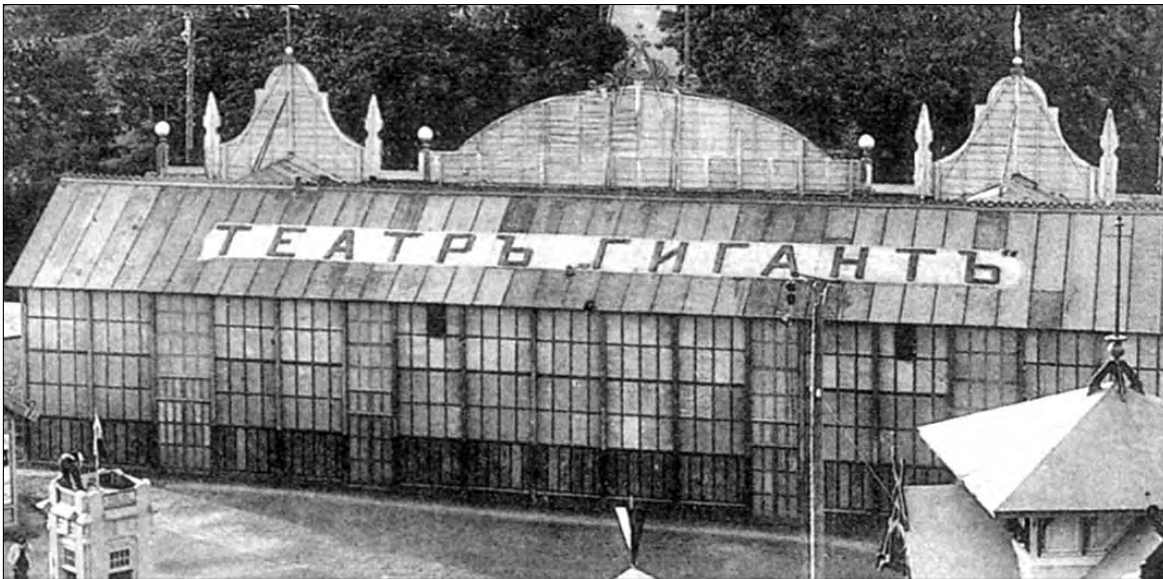
...Конечно, ходить по улицам и считать вывески — занятие, как говорится, самое интеллектуальное после перетягивания каната, да и невозможно оно было применительно к Одессе "раньше времени". Но с достаточной долей достоверности можно прикинуть, что в Одессе 1910-х годов имелось порядка восьми тысяч вывесок, которые красовались по всему городу: от аристократичной Марашлевской улицы до разудалой Костецкой, и от живописного Пале-Рояля до граничащей со стелью Дачи Ковалевского. Количество это, понятное дело, колебалось в ту или дру-

на стекла витрин и на полосатые тенты-маркизы, которые, дабы не выгорал выставленный там товар, опускали над ними в солнечные дни жаркого одесского лета.

В старое время многие фирмы существовали десятилетиями и столько же не меняли свое месторасположение, по каковой причине в дополнение к основной вывеске соответствующие надписи, случалось, вырезали на наружных мраморных подоконниках. В старинном, выстроенном на крепких сводчатых подвалах доме по Екатерининской, 5, угол бывшего Театрального, ныне переулочка Чайковского, была когда-то аптека Кестнера. Это было выигрышное для коммерции место в самом центре города, и по соседству с аптекой, а также вблизи ее располагалось множество различных заведений. Ювелирная торговля Акимом Биска, отца поэта и переводчика Александра Биска, деда известного французского поэта Алена Боске. Кондитерское производство Павла Георгиевича Бонифаца. Кафе Робина и Фанкони. Корсетная мастерская мадам Ольшанецкой. Парикмахерская Жирара. Модная мастерская или, как теперь сказали бы,

с Олегом Губарем не отказывали себе в удовольствии, обливаясь, лицезреть ее, если случалось проходить мимо. Но, к великому сожалению всех, кому дорога память о старой Одессе, после ремонтов и реконструкций старинных домов, грянувших где-то на рубеже прошлого и нынешнего столетий, от маркированных подоконников, что на Греческой улице, что на Екатерининской, остался лишь недоуменный извечный вопрос "Кому это мешало?".

Но судьба не всегда оказывается такой безрассудно жестокой. В одном из дворовых строений по 1-му Водопроводному переулку, 13, располагалось когда-то небольшое производство, где, используя цемент, песок, мраморную крошку и минеральные красители, изготавливали недорогие памятники, незатейливые садовые вазы, плоские фонтанные чаши, ступени, из коих потом собирались лестницы в тех домах, чьи владельцы не в состоянии были раскошелиться на мрамор. Но перво-наперво там сделали и с помощью крепких железных костылей надежным образом закрепили над воротами собственную вывеску "БЕТОННО-МАЗАИЧНОЕ ЗАВЕДЕ-

гую сторону, к тому же каждая вывеска имела свой, материалом, техникой исполнения и конъюнктурой отпущенный срок жизни, потому что один магазин или какое другое заведение закрывалось, другое открывалось, третье меняло хозяев, вывеска четвертого ветшала. Правда, еще 1871 году "живописный мастер" С. Зильберштейн в несохранившемся ныне доме Вургафта на Ришельевской, 7, который до этого изготовлял вывески на стекле и полотно, начал рекламировать "металлические вывески, плитки и литеры из одного куска, вечной прочности". Но что в этом мире вечно? Недаром ведь Остап Бендер отказался от вечной иглы для примуса, логично мотивируя это тем, что не собирается жить вечно.

В одно время с Зильберштейном его коллега, обосновавшийся в доме под нынешним № 100 на Ямской, как тогда называлась улица Новосельской, предлагал позолоченные или крашенные деревянные буквы разной величины, которые монтировались на обычных вывесках или на железных сетках, вознесенных высоко над крышами зданий. Нередко вывески писали прямо на стене дома, и теперь, когда осыпается слой впоследствии нанесенной поверх них штукатурки, отчетливо проступают черные, коричневые, синие надписи типа "Парикмахер К. Каратавитолу", "Продажа муки гуртомъ и мелочью" или "Красильня Э.В. Бажолэ". А на стене того из двух, ведущих в Пале-Рояль арочных проемов, который ближе к переулку Чайковского, вдруг проявилась вывеска принадлежавшей легендарному Сергею Уточкину "мастерской и склада велосипедов лучших всемирных фабрик". Бывало, что надписи, выполнявшие функции вывесок, наносили

ателе мод Ж. Лантье. Магазин Одесского общества торговли аптечными товарами "Ю. Лемме и К°"... Теперь об этом уже ничего не напоминает. Но еще в 1990-х годах не безразличные к давнишним делам прохожие могли свободно прочитать надпись на мраморном подоконнике "Аптека Кестнера". Показательно, что после смерти титулярного советника Михаила Васильевича Кестнера, когда его вдова Эмма Карловна не пожелала продолжить семейное дело, и аптека отошла к провизору Александру Наумовичу Баумштейну, новый владелец и не подумал даже убирать этот подоконник или заменять старую надпись, потому как свидетельство преемственности фирмы по праву считалось тогда лучшей рекламой.

В 1856 году к великой радости любителей солнечного напитка, составившего его основной ассортимент, открылся магазин Цезаря Карловича Гинанда, а через сорок один год, 5 мая 1897-го, хозяин перевел его в свой собственный дом, только что выстроенный по проекту архитектора Вильгельма Мартовича Кабиольского на Греческой, 30. Тогда же появился там и мраморный подоконник с надписью "Ц. Гинанд" как свидетельство того отрадного факта, что здесь всегда оптом и в розницу можно купить отменного вкуса бессарабские, кавказские, крымские вина, знаменитое французское шампанское "Мумм", не менее знаменитый коньяк "Мартель", голландский ликер всемирно известной фирмы "Кюрасо" и настоящие гаванские сигары. Потом все это кануло в область потаенных и печальных воспоминаний, а благородный мрамор на протяжении ста лет в целостности и читабельности хранил фирменную надпись. И мы

НИЕ О.Е. ЩЕРБАКОВА". Оно давно приказало долго жить, нет уже на свете ни его хозяина, ни рабочих, даже ворота исчезли, и проем их заложен камнем. А вывеска, мало кому известная и музейными работниками опрометчиво проигнорированная, еще недавно пребывала на своем давнишнем месте, а что дальше теперь там, так мне неизвестно, потому как боязно пойти туда и, чего доброго, убедиться в ее печальной участи... Толстенная, выполенная из бетона с мозаичными буквами, она была, наверное, самой тяжелой из всех тогдашних одесских вывесок.

А вот самая большая вывеска, вернее, надпись, выполнявшая ее функцию, появилась в 1910 году, когда по инициативе одесского отделения Императорского русского технического общества в Александровском, ныне имени Тараса Шевченко парке открылась грандиозная, насчитывавшаяся 1300 экспонентов фабрично-заводская художественно-промышленная и сельскохозяйственная выставка. Тогда и выстроили там огромный деревянный иллюзион, сиречь кино-театр, на двускатной крыше которого с обеих видимых публике сторон громадными буквами было начертано "ТЕАТРЪ ГИГАНТЪ". А в 1880-х годах на одном из дворовых флигелей здания городской полиции на Преображенской, 44, красовалась вывеска, на которой золочеными буквами было начертано: "В справочном отделении при управлении одесского полицмейстера выдаются адресные сведения принимаются комиссии для перемены паспортов и истребования разных документов и в замен их выдаются расчетные книжки продаются домовладельческие книги адресные листки и квартирные расчетные книжки вы-

даются полученные вновь документы пишутся прошения по разным предметам а также и о выдаче отсрочек по 20 копеек". Как иронизировал по этому поводу один одесский репортер, "в полицейских канцеляриях никогда грамота не процветала, но все-таки вывески следовало бы писать согласно правилам грамматики". Целиком отлитая из чугуна и, как гигантская телеграмма, исполненная без единого знака препинания, эта вывеска была самой многословной в Одессе.

Если же продолжить классификацию старинных одесских вывесок по принципу "самая-самая", то непременно нужно вспомнить известную тогда всем и запомнившуюся потом многим вывеску "ГЕНИЙ ШАПИРО. Фотография" на Преображенской, 62. Никаким гением сей гражданин, конечно, не был и не считал себя таковым, но если уж родители нарекли тебя таким именем, то почему бы не использовать его для рекламы, которая, по словам не очень грамотного, но внимательно современного человека, "достигала подчас таких грандиозных размеров, что необходим энергичный отпор против нее". И получилась эта вывеска самой курьезной в тогдашней Одессе. А самой одесской была, наверное, вывеска буфета искусственных минеральных вод на Степовой улице "Торговля воды" — главное, что всем понятно, а "если что не очень, так у нас не кафе Фанкони на Екатерининской угол Ланжероновской".

Творческие возможности тогдашних мастеров вывесок были довольно ограничены, поскольку электрические лампочки появились значительно позже, не говоря уже о неоновых трубках и хитроумных электронных устройствах, позволяющих создавать впечатляющие эффекты. Но имелись эмалевые и масляные краски фабрики братьев Васильевых в Санкт-Петербурге и Торгового дома "К.Д. Берте и К°" на Мельничной улице в Одессе, лаки Черноморского лакового завода на Польской, 11, кисти монашеского Акционерного общества "Пенсбергер и К°", толстое зеркальное стекло "Общества донецких стекольных и химических заводов", листовое железо "Южно-Русского днепровского металлического общества". И самое главное, были золотые руки мастеров, их добросовестность и профессиональная гордость.

В конце XIX века на Пушкинской, 14, была живописная мастерская Льва Веприка, которого называли не иначе как "королем вывесок". Не Пирсомани он был, конечно, но его специально приглашали в Художественное училище демонстрировать учащимся альбомы с эскизами вывесок на дереве, железе, стекле и мраморе. В начале злосчастных 1920-х годов, когда исчезла частная коммерция и, соответственно, потребность в многочисленных вывесках, Веприку пришлось перебиваться всякими случайными заработками, для чего он собрал коллег в бывшем магазине готового платья "Братья Альшванг" на Дерибасовской, 14. На месте магазина давно выстроен другой дом, и память о мастере осталась разве что в повести "Золотая роза" Константина Паустовского: "Внизу, в первом этаже магазина, развертывала суетливую и несколько подозрительную деятельность художественная артель. Во главе этого предприятия стоял старый ворчливый живописец, известный в Одессе под кличкой "Король вывесок".

Альбомы Веприка, не говоря уже об исполненных им и другими мастерами вывесках, скорее всего, не сохранились, во всяком случае, никто их уже давно не видел. И вообще, вывески гораздо тесней, чем это кажется на первый взгляд, привязаны к определенному времени.

Любопытствующие могут продолжить "литературную прогулку" по одесским улицам в обнадеживающих поисках еще какой-либо вывески, которая, по справедливому замечанию поэта и художника Макса Александровича Волошина, "гораздо больше определяет физиономию улицы, чем афиша, уже потому, что она всегда висит на своем месте". Но и без того, вроде бы, понятно, что красноречивая мадам Крик была не так уж далека от истины.